

Научная статья
УДК 340.113:165

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОНЯТИЙ РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Лейсан Рафисовна Абдуллина
Академия Управления МВД России, Москва, Россия
AbdullinaLLeysan@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автором выдвигается гипотеза о том, что юридические термины «разумность» и «добросовестность» хоть и имеют формальное закрепление в законодательстве, но в то же время не имеют конкретных юридических определений. Автор статьи пытается проанализировать связь между этими юридическими понятиями и стремится к использованию правовых дефиниций с целью достижения объективности в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: право, правовая норма, объективность, истина, разумность, intersубъективная проверяемость, субъективность, стандарт.

Для цитирования: Абдуллина Л. Р. Гносеологическое восприятие понятий разумности и добросовестности в юридической науке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 12–16.

Original article

GNOSEOLOGICAL PERCEPTION OF THE CONCEPTS OF REASONABILITY AND OBJECTIVITY IN LEGAL SCIENCE

Laysan R. Abdullina
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
AbdullinaLLeysan@yandex.ru

Abstract. The author of this article proposes a hypothesis that legal terms such as «reasonableness» and «objectivity» have formal recognition in legislation, but at the same time, do not have specific legal definitions. The article's author attempts to analyze the connection between these legal terms and strives to use legal definitions to achieve objectivity in legal practice.

Keywords: law, legal norm, objectivity, truth, reasonableness, intersubjective verifiability, subjectivity, standard.

For citation: Abdullina L. R. Gnoseological perception of the concepts of reasonability and objectivity in legal science // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 12–16.

В течение многих веков философы, юристы и ученые не переставали задаваться важным вопросом о разумности и добросовестности в праве. До сих пор этот вопрос остается актуальным для правовой действительности и научного сообщества. Данное направление является основой для

определения правовой мысли при реализации правоприменительной практики. Хотя и существует определенная мера объективной правоты при сопоставлении аргументов, тем не менее мы приходим к выводу, что по ряду проблем, требующих научного разрешения, мнения исследователей (ученых, юристов,

правоведов) расходятся. Неизбежность расхождений в правовых мнениях обеспечивает неустранимую субъективность рассматриваемой проблемы. Несмотря на это, можно стремиться к объективности в определении правовых норм и их применении. Понятия «разумный» и «добросовестный», часто используемые юристами и законодателем в различных аспектах, подвергаются различному толкованию. Опасность, которая возникает в случае использования абстрактного понятия «разумность» правоприменителем в ходе реализации права, не может быть недооценена. Существует множество факторов, которые необходимо учитывать перед тем, как принимать решения в процессе правоприменения.

Идея необходимости сочетания разумности и добросовестности существует не первый год – в ней испытывает потребность как юридическая доктрина, так и практика. Это объясняется тем, что критерии разумности и добросовестности не определены, отсутствует дефинитивный ряд данных терминов, несмотря на активное использование в нормативных правовых актах. Обнаружение отдельных критериев лексемы «разумный срок» в ряде интерпретационных актов между тем не приближает правовую норму к требованиям определенности, стабильности и ясности.

Если говорить о российском праве, а именно о гражданском, то добросовестность и разумность не включены в перечень основных начал гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, хотя исходя из их значения в правоприменительной практике они могут претендовать на роль «общей линии, общей тенденции права», которая, как правило, отводится принципам.

Понятия «разумный» и «добросовестный» содержат в себе больше оценочный, нежели описательный критерий. Обращаясь к российскому гражданскому праву, некоторые авторы (В. А. Белов, А. А. Чукуреев) раскрывают разумность как составляющую понятия добросовестности. В. А. Белов отмечает, что разумность является составной

частью более общего понятия «добросовестность» [1, с. 49]. При этом добросовестное приобретение, осуществление, защита и прекращение субъективного гражданского права означают совершение данных действий в отношении субъективного права таким образом, чтобы при этом никому не причинялось вреда, не создавалось угрозы его причинения, а если динамика права невозможна без содействия третьих лиц, – таким образом, чтобы необходимость в помощи, а также затраты и усилия, необходимые для ее оказания, были бы минимизированы. Предоставление эквивалента за принятую обязанность является одним из обязательных требований к добросовестности в динамике субъективных гражданских прав [2, с. 111].

Право выполняет регулятивную функцию и требует от субъектов не только делать все возможное или избегать поведения с негативными намерениями по отношению к другим, но и действовать в соответствии с общепринятыми принципами, в том числе разумности и добросовестности, как поступил бы «разумный человек» [3, с. 487].

При этом следует остановиться на рисках, образующихся вследствие употребления правотворческими органами абстрактной конструкции «разумные сроки», применительно к ожиданию реализации права. К примеру, российское законодательство отсылает правоприменителя к данному основанию при ожидании реализации права на судопроизводство, или права на исполнение судебного акта и т. д. Несмотря на тот факт, что интерпретационными актами критерии разумности достижения законных ожиданий приобретают все более очерченные формы, само по себе исполнение подобной оценочной формулировки не приближает правовые нормы к требованиям однозначности, стабильности и ясности [4, с. 45].

Существует множество правоотношений, в которых возникает вопрос о том, что разумно делать, говорить, заключать или в чем сомневаться. Такое значение, как «разумный», может быть определенным, как и всегда суждение будет определенным в конкретном контексте. Как мы видим, в любой

ситуации может существовать множество факторов, которые необходимо учитывать при оценке разумности действия или бездействия в конкретном контексте. По этой причине в этом смысле «разумность», взятая вне контекста, является тем, что профессор юриспруденции международного права Джулиус Стоун назвал «правовой категорией неопределенной ссылки» [5, с. 453]. Даже в этом случае вопрос оценки смысла остается частично открытым. Особенно это актуально в смешанных правовых системах, где оценка правовых знаний играет важную роль. Например, в системах общего права и российского права категория рациональности имеет множество применений. Во многих отраслях права «рациональность» рассматривается как критерий, определяемый имеющимися правилами и принципами поведения и суждений.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что разумность, упоминаемая в законах, должна быть практической разумностью, а не абстрактной способностью рассуждать о теоретических вопросах. На практике это означает, что перед принятием решения оценка ситуации должна основываться на опыте и логических умозаключениях.

Критерии разумности и добросовестности могут быть применены во многих отраслях права, в том числе и при рассмотрении судебных дел, в миграционном праве, в корпоративном праве, в налоговом праве и даже в области интеллектуальной собственности. В каждой из этих областей разумность и добросовестность являются одним из критериев, по которым судьи принимают решения, а также руководствуются властные субъекты при осуществлении правоприменительной деятельности. Такими критериями могут быть: соблюдение требований уголовно-процессуального закона; соответствие способа осуществления права его назначению; непротиворечие действий субъекта уголовного процесса его предшествующему поведению; отсутствие вреда в результате реализации правовых возможностей. Поведение, соответствующее перечисленным

условиям, следует считать добросовестным и разумным, в противном случае оно может быть расценено как недопустимое и злоупотребительное [6, с. 189], влекущее за собой соответствующую реакцию со стороны государства. Если же при анализе способа реализации права участниками уголовного процесса должностные лица руководствуются только внутренним убеждением, публичными интересами, то их поведение следует расценивать как превышение полномочий, которое должно повлечь за собой применение к властным субъектам мер юридической ответственности.

Таким образом, критерии разумности и добросовестности в законодательстве имеют огромное значение и их применение обусловлено многими факторами. Необходимо понимать, что они важные и гибкие инструменты, которые могут быть использованы для достижения справедливости и баланса между разными законными интересами субъектов права [4, с. 45]. Никто не может оспорить тот факт, что добродетель благоразумия – одно из качеств, которым обладают разумные люди и применяют в своих действиях. Однако этой добродетелью невозможно обладать, если проявлять равнодушие или же фанатизм, поэтому она занимает среднее положение между ними, как и чрезмерная осторожность.

Что же касается рациональных людей, то они готовы рисковать, но с учетом возможных последствий и вероятностей, и никогда не действуют, основываясь на воображаемых обстоятельствах. В своих решениях они не руководствуются быстрыми выводами, а осознанно взвешивают все доказательства и рассматривают различные точки зрения, прежде чем принять окончательное решение.

Разумные люди также осознают, что практические дилеммы связаны с различными ценностями и конкурирующими интересами, поэтому они серьезно относятся к конфликтующим и совпадающим ценностям, стараясь примирить их, а если конфликт неизбежен, отдают предпочтение наиболее важной и доминирующей ценности. В кон-

це концов, добродетель благоразумия дает разумным людям возможность принимать разнообразные решения, основываясь на балансе и мудрости [7, с. 125].

Обычно говорят, что существует множество вопросов, по которым разумные люди могут обоснованно расходиться во мнениях. Для одного человека признанное разумным в одном случае может быть не признано таковым в другом. В праве часто возникают ситуации, которые предполагают взвешивание большого количества доказательств, в первую очередь, если говорить о процессуальном праве. Важно понимать, что каждое доказательство имеет свой вес и важность. Однако принимая во внимание все факторы, необходимо найти наилучшее решение, которое предстает в виде вынесения законодательно обоснованного процессуального акта.

Возникающие проблемы могут быть связаны с «процедурным» характером разумного обдумывания. В свете ценностей, интересов и целей человек должен рассмотреть все, что имеет отношение к делу, и занять беспристрастную позицию при определении важности различных контекстуально значимых ценностей или интересов. Могут быть очевидные ошибки пристрастности или грубые аномалии в дифференцированном взвешивании, но помимо этого, трудно или невозможно показать, что один подход превосходит другой. Если люди избегают непостоянства и соблюдают достойное постоянство в суждениях с течением времени, оставаясь открытыми для пересмотра своего мнения в свете аргументированных доводов, они не являются неразумными только потому, что придерживаются мнения, отличного от большинства.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что на некоторые вопросы или в отношении некоторых решений может существовать более одного рационального ответа или, по крайней мере, целый ряд ответов, которые нельзя доказать или отвергнуть как неразумные. Отсутствие единого рассудительного ответа не является доказательством того, что не существует неразумного ответа. В целях решения данной проблемы необхо-

дима выработка единой методики изучения категорий разумности и добросовестности в правовой системе. Единый методологический подход позволит перейти от отраслевого восприятия и в целом исключить узкое толкование, которое заключается в том, что разумность и добросовестность проявляют себя только как оценка характера субъективного поведения и имеют лишь отраслевую принадлежность. При этом необходимо проводить фундаментальные поисковые исследования, которые позволят выделить феномены разумности и добросовестности в качестве самостоятельных направлений современной юриспруденции.

Это само по себе является убедительным аргументом в пользу создания органов государственной власти, уполномоченных принимать решения при условии, что лица, наделенные властью, являются компетентными и здравомыслящими людьми и существует какой-то способ контроля или проверки их решений (например, апелляция, ответственность перед каким-либо представительным органом или т. п.). Представляется, что реализация обозначенного выше предложения является эффективной в решении проблемы неоднородности разумного. Неудивительно, что для правовых государств характерна практика назначения лиц, принимающих решения, для осуществления ограниченных дискреционных полномочий с использованием соответствующих процедур. Иногда, более того, для обеспечения дискурсивного и дискуссионного качества поиска окончательного решения или ответа, полномочия предоставляются группе, комитету, собранию или коллегии из нескольких человек; а затем должны быть предусмотрены процедуры голосования для принятия возможных окончательных решений по спорным вопросам.

Таким образом, добросовестность и разумность можно рассматривать как принципы реализации права, нацеленные на преодоление безответственной реализации прав участниками правоотношений, а также на разрешение возможного конфликта интересов субъектов правоотношений при отсут-

ствии (пробела в праве) или неопределенности правовых норм. Однако достижение одновременного обеспечения реальности беспрепятственного осуществления субъективного права всеми субъектами и нормаль-

ного функционирования общества в целом становится возможным только при закреплении объективных критериев, минимизирующих оценочный характер рассмотренных категорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.
2. Татарников А. В., Голышев В. Г. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6.
3. Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 476–501.
4. Репьев А. Г. Правовые обещания и законные ожидания как компоненты модели общерегулятивных правоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 41–53.
5. Stone J. Legal System lawyers reasonings. Stanford: textbook. Publishing house Stanford University press, 1964. 453 с.
6. Желева О. В. Добросовестность и разумность как пределы осуществления субъективных прав в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 186–191.
7. Гечмен Д. Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души-тела в философии Адама Смита // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 111–147.

REFERENCES

1. Belov V. A. Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law // Legislation. 1998. No. 8. P. 49–52 (In Russ.).
2. Tatarnikov A. V., Golyshev V. G. Correlation of principles of reasonableness and conscientiousness in civil law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 6. (In Russ.).
3. Zaitseva N. V. The principle of good faith and its impact on the qualification of legal relations // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. No. 49. P. 476–501 (In Russ.).
4. Repyev A. G. Legal promises and legitimate expectations as components of the model of general regulatory legal relations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 1(150). P. 41–53 (In Russ.).
5. Stone J. Legal System lawyers reasonings. Stanford: textbook. Publishing house Stanford University press, 1964. 453 p. (In Eng.).
6. Zheleva O. V. Conscientiousness and reasonableness as the limits of the exercise of subjective rights in criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 407 (In Russ.).
7. Gechman D. The concept of an impartial observer and the soul-body problem in Adam Smith's philosophy // Ethical thought. 2014. No. 14. P. 111–147 (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.